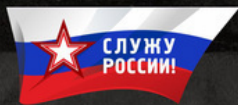

Александр Волков

КОМНАТА ОДИНОЧЕСТВА

Александр Павлович Волков

Комната одиночества

Серия «Служу России!»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055293
Комната одиночества: Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907215-9-3*

Аннотация

В «Комнате одиночества» мы находим истоки сегодняшнего миропорядка и поэтому при чтении романа возникают фантомные душевные боли. Боли от того, чего уже нет, что кануло в Лету четверть века назад, но продолжает тревожить. Мы не видим себя со стороны, поэтому наша самооценка часто бывает завышенной или искаженной. Но есть одна штука, вроде индикатора, она позволяет определять, чего мы стоим на самом деле. Жизнь постоянно, каждый день и каждый час заталкивает нас в социально-нравственную (или безнравственную) матрицу, что бы мы приняли надлежащую форму, удобную для общества, чтобы не выделялись, не казались белыми воронами. Рано или поздно мы примем эту форму, нас затолкают в матрицу по самые уши. Но продолжительность и сила нашего сопротивления – вот блистательный показатель. И главный. Об этом, может, только об этом и стоит писать. Об истории нашего поражения. Об этом

и написана патологически честная книга Александра Волкова
«Комната одиночества».

Виктор Лановенко, член СП России

Содержание

Предисловие	9
1	21
2	39
3	50
4	71
5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Волков
Комната одиночества
Роман

ВОЛКОВ Александр Павлович

Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Л. Н. Толстого (2003 г.), премии «Общественное признание» (2006 г.). Живет в Севастополе

Родился 7 марта 1957 года в Керчи.

Проходил срочную службу в Вооруженных Силах СССР. Окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова. Служил в специальном центре подготовки летного состава Черноморского Флота в качестве специалиста по выживанию в экстремальных условиях.

После увольнения в запас врачебную практику совмещал с тренерской деятельностью. Подготовил ряд призеров европейских и мировых первенств по боксу, в числе которых был и обладатель двух поясов чемпиона мира в профессиональном боксе. Автор серии научных публикаций по медицинской тематике.

Как литератор дебютировал в 1988 году в коллективном сборнике крымских авторов. В 1992 году вышла первая книга «Комната одиночества», куда вошли роман и рассказы. Публиковался в крымских и украинских альманахах и литературных сборниках: литературно-историческом альманахе «Севастополь», антологии творчества севастопольских авторов «Море», литературно-художественных журналах «Радуга» и «Склянка часу», коллективном сборнике крымских авторов «Крымский рассказ».

В 2006–2013 годах выпустил несколько книг прозы: «Се-

рый пепел и алмаз», «Трактир на солнце», «Чужой», «Из жизни боксеров», «Я пишу блюз», «Глубокий выдох». Повести «Седьмой враг» и «Желтый лев, белый пес» были переведены на украинский язык.

Предисловие

Когда читаешь роман Александра Волкова «Комната одиночества», то с первых страниц становится ясно, что это произведение лежит в русле распространенной литературной традиции – исповедальной психологической прозы. Поневоле вспоминаются «Страдания юного Вертера» Гете, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, повести раннего Василия Аксенова. Несмотря на временную и пространственную разницу, несмотря на разноразмерность авторских имен, эти книги роднятся следующим – молодые главные герои пребывают в пограничном состоянии, они переходят из детской или юношеской среды обитания во взрослую жизнь. Открывают мир заново. Они на собственной шкуре проверяют, что такое зло, добро, дружба, предательство, любовь и ненависть. То и дело перед ними встает проблема выбора, а это значит – возникает необходимость совершать душевную работу. И здесь, на переходном рубеже, происходит завершающая корректировка характера, его становление. Герои этих книг подобны легким суденышкам, вышедшим в штормовое море, в район, опасный скрытыми течениями и подводными скалами.

Главный герой «Комнаты одиночества», свежееиспеченный лейтенант, выпускник военно-медицинской академии,

прибывает в отдел кадров Черноморского флота для дальнейшего распределения. Он прекрасно подготовлен теоретически, имеет небольшую практику и мечтает работать в современном госпитале, где вскоре без сомнения станет выдающимся хирургом. Хорошо бы сразу – заведующим секцией, но «...на худой конец, можно просто хирургом, только была бы возможность резать, резать, резать...» В его голове еще звучат слова клятвы Гиппократа, а память хранит наставления профессоров-преподавателей о высоком предназначении профессии врача. Но, увы. Вместо военно-морского госпиталя его направляют водолазным врачом в крохотный дивизион аварийно-спасательной службы, расположенный на окраине СССРовской империи, в городе Потти. Но уже на пути к месту назначения молодому врачу выпадает случай проявить себя. В автобусе одному пассажиру становится плохо – тропическая духота не совместима с алкоголем, происходит остановка сердца. Главный герой – единственный врач на весь автобус. Самое верное дело – прямой укол в сердце. В чемоданчике имеется шприц и ампула адреналина, но нет необходимого для этого случае хлористого кальция. И тогда главный герой принимает простое, но единственно верное решение. «... я подсунул грузину под лопатки чью-то сумку и как двину ему по груди кулаком. Повезло, нужно отметить. Когда я наносил удар, все отпрянули, а какой-то идиот стал меня за руки хватать. Но пострадавший, труп этот, захрипел, заворочался, в общем,

ожил. Хватило механической дефибрилляции».

Толпа, в основном это были грузины, приходит в возбуждение. Они готовы боготворить спасителя. И, наверное, поклонениям не было бы конца, если бы наш герой не повез больного в ближайшую больницу, оставив пассажиров на обочине дороги.

Город Потти, водолазный дивизион. Здесь царят запустение и скука. Работы по профессии практически нет. Командир дивизиона человек неплохой, знающий специалист, но волею обстоятельств превратившийся в алкоголика. Наш герой ищет людей, близких по духу, и не находит. Вот и приходится иметь дело с такими пьяницами, как капитан третьего ранга Бондаренко, все его зовут просто Кешик...

Выбранная форма повествование от первого лица добавляет роману искренности, достоверности и позволяет ярче нарисовать непростой характер главного героя.

Исповедальному письму свойственны метания и рефлексия. Молодой человек не видит перед собою столбовой дороги. Куда ни глянь, везде темные пугающие переулки, хлябь и туман. Приходится двигаться на ощупь. Довольно часто совершаются промахи. Но даже шаг в правильном направлении вызывает в душе сомнения – туда ли мне? И герой размышляет, анализирует события, собственные поступки и свое душевное состояние. Ведет разговор с самим собой.

Существует мнение, что Армия, вернее, ее состояние – это жизнь страны в разрезе. Видны все пласты – здоровые, ослабленные, больные и мертвые. И, если тебе удастся подробно рассмотреть и тщательно зафиксировать существующее в Армии положение вещей, то считай, удалось заполнить карточку клинического состояния общества. Герою Александра Волкова это удалось в полной мере. Он снимает гриф «совершенно секретно» с самого главного секрета Советской армии – ее морального разложения.

Главный герой по натуре не борец за справедливость. Не Дон Кихот. Его не удивишь в излишней пассионарности, и бунтарский дух ему не присущ. Поступки, суждения и оценки главного героя соответствуют его же характеру. Порой они удивляют своей нелогичностью, а то и вообще выламываются из привычного нравственного ряда. Иногда он изображает из себя чуть ли не родственника некоего генерал-майора Адама, который шел на выручку Паулюсу, в другой раз, сидя в местном ресторане, может запустить бутылкой шампанского в компанию грузин, которые, как ему кажется, потешаются над ним. Но что поделаешь? С одной стороны это можно объяснить юношеским максимализмом, с другой – ну, и характерец у этого парня!

Он этакий сапсан с подрезанными крыльями, человек настроения, грозовая туча, плывущая по горизонту. Он может спокойно пройти мимо драки, не вмешиваясь в нее, а

может завестись с пол-оборота по копеечному поводу и такого натворить, ни приведи Господи. Оттого и попадает в разные сомнительные истории. Сомнительные в том смысле, что эти истории плохо заканчиваются для него. Позже, анализируя тот или иной инцидент, он и сам приходит к выводу, что действовал не лучшим образом. Вот идет суд чести офицерского состава – задача приструнить Кешика, который уже всех достал своими пьянками. Но наш герой против Кешика ничего не имеет, напротив, он благодарен бывшему командиру, ведь тот разрешил два дня в неделю работать в госпитале, не напрягал по мелочам. Но, когда приходит очередь выступать, главный герой не защищает Кешика, а поддерживает заранее сформированное предложение – понизить воинское звание. «Когда я сел, то было так стыдно, что хотелось, чтобы пол провалился...», – тут же признается он.

Главный герой – пристальный наблюдатель, поначалу он удивляется бардаку, открывшемуся взору. Вот начальник кожно-венерологического отделения госпиталя подполковник Куницын. Это тип меньше всего интересуется военными пациентами, что с них возьмешь? Зато местные товарищи к нему толпой валят – они и платят щедро, и всегда можно зайти к ним домой, в гости, напоят, накормят бесплатно.

Или взять хозяина дома, у которого главный герой снимает комнату. Зовут его Ваджа, он исправно трудится на заводе. Хороший, в общем-то, человек, щедрый, общитель-

ный, но тоже свои проблемы, жалуется квартиранту: «... получили металла на три ракеты на подводных крыльях, две построили, а на третью железа уже нет... На шабашку пошло». «А как списывать будете?» – интересуется герой. «На ржавчину... Сегодня шабашки мало, только пятьдесят рублей... Лист толкнул налево... Надо много листов».

Постепенно главный герой привыкает к этому бардаку и сам становится его действующим лицом. Но, оставаясь наблюдателем, он продолжает подробно фиксировать все, что видит. Он умен, остроумен. Он прекрасно понимает, что обречен быть втянутым в болото провинциальной трясины. Он хотел бы ему противостоять, но в силах ли?

Крушение идеалов главного героя вовсе не похоже на падение зданий-близнецов торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября. Оно, это крушение, происходит незаметно и медленно. Как будто древесный жучок выедает сердцевину по миллиметру. День за днем, день за днем. Будь главный герой более равнодушным, мог бы легко превратиться в чеховского доктора Ионыча и лечить пациентов от всех недугов одними и теми же пилюлями, а еще лучше спиртом, или, как его называют, шилом. Благо C_2H_5OH рекой льется через его крохотную амбулаторию. Но нашего героя спасает молодость и пока не утраченная вера в собственную мечту – стать хирургом.

Он обрисовывает не только контуры главных событий, но подробно вычерчивает мельчайшие детали городского быта, служебных будней и даже темные уголки той комнаты, которую позже назовет Комнатой одиночества. И, странное дело – из этой, казалось бы, необязательной мозаики складывается и вырастает перед нами огромная, многоцветная картина эпохи. Быт перерастает в бытийность.

Главный герой романа «Над пропастью во ржи» Холден Колфилд болезненно ощущает любую фальшь, притворство, показуху. Окружающая жизнь до краев наполнена «сплошной липой». «Господи, до чего я все это ненавижу!» – восклицает Колфилд. Сэлинджер предугадал 17-летнего героя-одиночку, у которого остро развита физиологическая тоска по неподдельности. А вскоре возникнет целое поколение молодых людей – хиппи, поколение, которое придаст западному обществу пассивно-протестный характер и едва ли не до смерти перепугает почтенных родителей. А роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» станет Библией хиппи.

«Комната одиночества» роман, в котором Александр Волков не повторяет путь своего учителя и кумира Сэлинджера. Но совершенно очевидно, что Волков принимает эстафету и развивает его метод, используя один из приемов под названием «поэтическое описание безобразного». Это,

как пандемия. Бациллы абсолютного зла расползаются по стране, превращая еще вчера нормальных людей в нравственных уродов, человека за человеком, семью за семьей, один социальный слой за другим.

И это было написано А. Волковым в те времена, когда нам казалось, что социализм, строй, при котором мы родились, вечен. А страна, состоящая из 15 братских республик, это незыблемый монолит.

И тут появляется главный герой, лейтенант, глазами которого прозреваются огромные скрытые полости. В них-то спустя несколько лет, ухнут все эти вечные монолиты.

А сам лейтенант, выпускник медицинской академии, еще стерильно чистый, со светлыми помыслами, окунувшись в пораженное общество, хватает свою бациллу. Шаг за шагом он будет двигаться от полюса добра к полюсу зла, минуя все нравственные пределы. Александр Волков угадает в своем главном персонаже героя будущего времени – существо, которое без страха и без угрызений совести перекусит горло любому, кто встанет на его пути к баблу.

Романы не изменяют мир. Но есть такие писатели, которым удастся, что называется, произвести выстрел с завязанными глазами и попасть в «яблочко». Возможно, это случайность. Но нельзя исключать, что в подобных случаях мы имеем дело с людьми, которые обладают сверхчув-

ствительной сенсорной системой. Эти люди способны ловить сигналы, которых не замечает большинство. И тогда на свет появляются книги-предвестники. Такие, например, как «Над пропастью во ржи» или «Комната одиночества».

Персонажам романа «Комната одиночества» еще предстоит дожить до сегодняшних дней. Впереди их ждет смута перестройки и буря дикого капитализма, которая промчится по стране, сметая привычные смыслы и оголяя жестокую правду. Правду о соотечественниках, о коллегах по работе, о соседях по улице, о нас самих, в конце концов. Мы еще долго будем удивляться – почему так ожесточился мир? Ведь совсем недавно, лет 20 назад, казалось, что мы застрахованы государством от нищеты, от социального неравенства, от морального унижения, мы можем спокойно поживать на этих гарантиях, пока Господь ни призывает на небеса.

Что же случилось? Почему в одночасье лопнули привычные конструкции, и все обратилось в прах? Почему векторы наших главных жизненных приоритетов развернулись едва ли не 180 градусов? Ведь не могло же это произойти по мановению волшебной палочки. А люди – вершители перемен, они, ведь, тоже где-то должны были созреть, набирать силу на каких-то черноземах.

Давайте обратимся к персонажам «Комнаты одиночества» и всмотримся в их поступки, вслушаемся в их мысли

и слова. И что в результате? А в результате начинает казаться, что попадаешь в театр абсурда. Например. Два милиционера на мотоцикле ловят пьяницу и везут в вытрезвитель, но за несколько метров до заведения получают от него деньги и отпускают. Тот направляется восвояси, однако на подходе к дому его снова хватают, но уже другие стражи порядка, правда, на том же мотоцикле. Так повторится много раз, пока пьянице не придет в голову переплатить внятеро за то, чтобы его отвезли сразу домой. Или другое. Старпом корабля предлагает молодому врачу-лейтенанту найти покупателя для сбыта наркотиков. «Не поможешь наркоту толкнуть? Все поделим пополам!» Отказать напрямую как-то не по-мужски. Приходится изворачиваться, врать: «Знаешь, друг, ничего не выходит! Покупатель есть, но мне на хвост особисты сели, так что хочешь, с покупателем сведу, сам отдувайся». Это надо было видеть, как старпом побледнел, радуется главный герой благополучному исходу.

Или такой случай. По оплошности команды посажен на мель корабль в дельте реки. Командование поднимает шум, ставит спасателей на уши. Но руководитель спасателей делает все для того, чтобы потянуть резину – через пару дней начнется сезон штормов, работы придется свернуть, а до весны корабль уйдет в ил по самую рубку, и все забудут про него. Так оно и случается.

Герой «Комнаты одиночества» приходит к выводу, что

те нравственные принципы, на которые, якобы, ориентируется вся страна, на практике оказываются горстью тлена, пустотой, иллюзией. Реальная жизнь в воинской части, в госпитале, в городке идет по своим дремучим законам.

Посмотришь, посмотришь на этих персонажей, и становится ясно – вот они, предтечи тех самых людей – вершителей будущих перемен. И вот он чернозем, на котором вызревали эти люди. Многие из персонажей романа наверняка станут в будущем теми крутыми господами, для которых основной закон жизни – беспредел. Может быть, не сам начальник медицинского склада, воршика Виктор Петрович, или не сам замполит Воронин, а их сыновья, глядя на отцов, блестяще усвоят родительский урок и легко перестроятся в обществе, где главной почитаемой святыней станет газовый вентиль.

Александр Волков опередил время, и, возможно, сам того не ожидая, произвел вскрытие тела любимой родины и поставил точный диагноз – пациент скорее мертв, чем жив. И тех слабеньких потуг к продолжению жизни, которые удалось зафиксировать в организме, хватит ненадолго.

В «Комнате одиночества» мы находим истоки сегодняшнего миропорядка и поэтому при чтении романа возникают фантомные душевные боли. Боли от того, чего уже нет, что кануло в Лету четверть века назад, но продолжает тревожить.

Мы не видим себя со стороны, поэтому наша самооценка часто бывает завышенной или искаженной. Но есть одна штука, вроде индикатора, она позволяет определять, чего мы стоим на самом деле. Жизнь постоянно, каждый день и каждый час заталкивает нас в социально-нравственную (или безнравственную) матрицу, что бы мы приняли надлежащую форму, удобную для общества, чтобы не выделялись, не казались белыми воронами. Рано или поздно мы примем эту форму, нас затолкают в матрицу по самые уши. Но продолжительность и сила нашего сопротивления – вот блистательный показатель. И главный. Об этом, может, только об этом и стоит писать. Об истории нашего поражения. Об этом и написана патологически честная книга Александра Волкова «Комната одиночества».

Виктор Лановенко, член СП России

У кадровика были глаза человека, которому хочется находиться так далеко от своего рабочего кабинета, что и не видно. Позже я узнал, где именно, но тогда на меня уставились два безразличных ко всему глаза, и через некоторое время я расслышал:

– Фамилия?

Я назвался. Как мне казалось, произнес свою фамилию достаточно громко. Но массивная голова с мраморным лицом старого гипертоника даже не шелохнулась – ясно, что работа для такого в тягость, а ведь мог хотя бы улыбнуться, чтоб к разговору расположить.

Потом:

– Где хотите служить?

Как я разволновался тогда! Кто с трепетом не ожидает этого вопроса: «Где хотите служить?» Конечно, в госпитале, в хирургическом отделении, младшим ординатором, для начала, или заведующим секцией анестезии и реаниматологии, на худой конец, можно просто хирургом, только была бы возможность резать, резать, резать... Но это не для таких, как я, ведь отец у меня не консул, а мать не потаскуха. Поэтому тактику я выбрал простую: проситься на подлodka, на ту консервную банку, из которой света белого не видно, или на какую-нибудь береговую должность. А что, с лодки, гово-

рят, лучше перевестись, и льготы всякие, есть за что страдать. А на берегу чем хорошо – можно частенько срываться со службы и бежать в госпиталь, чтоб в нем мозолить, глаза нужным людям.

– Или лодка, или берег! – я выпалил эти слова так, будто тренировался в их произношении всю жизнь.

Но все оказалось сплошными условностями. Эта разъяренная морда даже бровью не повела, налитые кровью глаза не сдвинулись с места, ни шепота, ни смешка, ни хмыканья. В этой голове уже все было решено заранее, и зря я составлял тактический вариант! Все разбилось о жестокую схему: кому куда нужно!

– Поедете в Поты, больше береговых должностей нет!

В Поты, это где? И как меня не насторожил такой быстрый ответ? Ведь я не первый, кто просится на берег, почему же до меня никто не согласился поехать служить в Грузию? Впрочем, я тогда проявил некоторые признаки недовольства, но довод:

– Там госпиталь есть, в котором работы хоть отбавляй!

Этот довод доконал меня.

– Согласен, в Поты.

Когда я выходил из кабинета, кадровик не смотрел мне вслед и не произносил слов прощания, тупо уставившись в окно. Ждал, когда закончится рабочий день, чтобы поскорее оказаться в темном прохладном зале заведения, в котором я встретил его через два года, случайно, конечно. Тоже жа-

ра загонит поправлять свое расшатанное частыми визитами просителей всех рангов здоровье холодным пивом или еще чем-нибудь.

Я прикрыл дверь и в темном гулком коридоре спросил первого попавшегося военного с погонами, на которых звездочек было больше, чем у лейтенанта:

– Как служба в Потти?

Это был каплей в рубашке с засаленным воротником. Каплей тут же выпалил:

– О! Потиец! Прекрасно!

Черт его разберешь, что этот каплей хотел сказать. Больше я никого не стал спрашивать, мне ужасно захотелось смыться из этого штаба, да и из города как можно дальше, тем более, появилась должность, ведь я согласился где-то там служить!

Мне уже обрыдла наша гостиница, и жара, и уборщицы с потасканными лицами, и весь персонал, и буфет с мерзкой едой, да и Олег с Серегой, чтоб они провалились. Какого черта они потащились в этот сволочный ресторан? Зачем? Баб, видите ли, захотелось. И чем все это закончилось? У Олега не оказалось денег, а Серега их никогда не имел. Теперь мне ясно, что рассчитывали па меня, я приехал попозже остальных, думали выпить на дармовщинку. А почему я должен за всех платить?

Вышли покурить, я, правда, не курю, еще чего не хватало, собственными руками себя травить. Так вот, вышли по-

курить, а Серега насупился и говорит:

– Раз нет ни бабок, ни баб, уносим ноги!

И сам пошел быстро так, что и бросить его нельзя, и остаться уже поздно. Ну, я тоже пошел, а Олег вскоре перегнал нас. Побежали по каким-то улочкам, широченным каменным лестницам и все вверх, вверх, а потом вниз. Я думал, вернемся в гостиницу, хватит приключений на вечер, так нет, этот идиот Серега затаскивает нас в какое-то кафе, усаживает за стол, роется в своих карманах и достает памятный червонец.

– Вот, – говорит, – нашел. Добавляйте.

Ну я добавил, а что было делать? И вообще, как я мог забыть, что Серега еще тот тип, еще в «системе» он только и делал, что «залетал», только и видно было, как старшина курса ведет его с гауптвахты.

Вот совсем недавно я встретил и того, и другого. Олег уже чуть ли не флагман, а Серега, ведущий терапевт в корабельной группе усиления. Вот и думай, кто из кого может получиться. Когда встретились после стольких лет пребывания в разных местах, то поговорить было о чем. Это сейчас, а тогда я их просто ненавидел.

В тот злополучный вечер я был в белых брюках и пестрой рубашке. Наутро решил их продать, слишком заметная упаковка. По городу пройдешь, точно кто-нибудь засечет и сдаст в милицию. Так вот, я подошел к дежурной по этажу и говорю:

– Не купите барахлишко? Фирма! И недорого. Знаете, неизвестно сколько ждать приказа, нужен сармак.

Этажная в ответ:

– А за сколько?

Тертая стерва.

Я нахмурил брови, чтоб не думала, что я полный чайник в делах спекулей, и говорю:

– Назначайте свою цену, торговаться не буду.

Ну, эта тетка и сунула мне за все сотню, сквалыга, да еще говорит напоследок:

– Остальное, лейтенантик, на флоте заработаешь! Военные много получают, особенно если плавают. Вы плаваете?

– Конечно, плаваю! – ответил я. – Только вернулся из похода, держали экономическую блокаду у берегов Занзибара.

И пошел прочь. А эта дура, этажная или коридорная, черт их разберет, мне вслед захихикала. Дура, одно слово.

Так вот, барахлишко-то я продал, а все равно по улицам ходил с оглядкой. Сереге что – у него железные нервы, да еще портрет как у Поля Робсона, врач называется. Помню, рассказывали в «системе», как Серега в пивбарах пиво зарабатывал: подведет кто-нибудь из собутыльников его к столу и говорит:

– Давайте поспорим на две кружки пива, что вы не отгадаете его профессию?

За столиком сразу:

– Спорим! Да у него на лице все написано! Спорим! Бьют

по рукам, и начинается:

– Откинулся?

– Нет! – две кружки Серега с королями забирает.

– Шофер?

Еще две кружки. Далее – слесарь, грузчик... А как-то его профессию определили как водопроводчика. Вот смеху, говорят, было. Позже, уже к выпуску, Серегу чаще всего определяли как профессионального бомжа. Только однажды, как мне рассказывали, пришлось пиво выставять Сереге с компашкой – на мента нарвались. И даже не на мента, а на курсанта ихнего училища. Посмотрел тот будущий постовой на Серегин портрет в натуре и говорит, как приговор читает:

– Врач!

Вот так.

В общем, причин смыться из города русской славы у меня было предостаточно. И когда мне старый гипертоник предложил Потю, я даже обрадовался. Захотелось покоя и тишины, а то, не дай Бог, менты повяжут.

В общем, через несколько дней, которые пришлось ожидать до получения приказа, я провалялся на койке в гостинице. Серега и Олег, конечно, теребили:

– Пошли на Солнечный? – или: – Пошли на Хрусталку?

Но я наотрез отказывался. Эти местные пляжи уже осточертели. И когда я получил приказ, то в тот же день ринулся к новому месту службы.

Все.

Когда пронырнули под горками в этих бесконечных тоннелях, стало легче дышать. И вообще, я заметил, что стоит куда-то поехать, как сразу становится легче на душе. Как будто сидя на одном месте тебя кто-то душит или кишки выматывает, или еще что-нибудь нехорошее вытворяет.

Я валялся на верхней полке и размышлял на тему: «Куда я еду»?

В Грузию. Страна Великого Моурави, но это раньше было. Потом, эта страна кого-то еще. Стал припоминать, но вспомнил только Гоги с курса старше нашего на два года. Я не знал тогда, все ли грузины такие, но Гога, как рассказывали знакомые ребята, первые два курса был вообще как не грузин. Целыми днями сидел и переписывал в тетрадки все подряд: книжки, конспекты, таблицы, и первые два года его никто не видел ни на улице, ни в городе, ни тем более в кино. Я как-то наблюдал сцену. На КП ввалилась толпа грузин, мужики в этих самых кепках с длинными курчавыми козырьками, необъятные бабы и детишки со смазливymi мордочками. Нужно признать, что грузинские детишки очень симпатичны. Впрочем, детишки других наций тоже, только я не присматривался. Только в Грузии, куда не бросишь взор, всюду детишки, и даже за столом в каком-нибудь духане.

Так вот, начала эта делегация по обыкновению рваться на территорию, куда нельзя. Слышу:

– Пусты! Гыдэ Гоги, мой брат? Мэнэ нада!

Дежурный по КП был с курса Гоги, и, видимо, знал, как себя вести, говорит:

– Гоги сейчас придет, он пошел в парикмахерскую, а из нее направится в комиссию для фотографирования. Его фото, как передового отличника, будет вставлено в рамку и вывешено у первого корпуса, справа от входа.

Ясно, что дежурный знал натуру делегации. Я еще подумал тогда, почему у первого корпуса, да еще справа? Ну, первый корпус – это управление, а справа подсобки, караул, склады обмундирования, туалеты. В общем, ничего не понял, видимо, дежурный только трепался.

Самое интересное не это. Когда дежурный произнес свой монолог, этот, что рвался больше всех, в кепке с длинным козырьком из каракуля, развернулся и все перевел на грузинский.

Боже, что началось! Детишки запрыгали от радости, тетки в плач, и все приговаривают:

– Вах! Вах! – и далее по-грузински.

Сейчас бы я понял, что они приговаривали по-грузински, но тогда, естественно, нет, ведь я еще не служил в Грузии.

Далее про Гоги. На третьем или четвертом курсе его в строю уже не видели, он ходил в кожаном пальто, готовился к службе. Триста рэ, как говорили, предки его высылали исправно. Я лично думаю, что высылали больше. Гоги, опять же, как говорили ребята, не вылезал из кабака с поэтическим названием «Арагви» и все говорил, что собирается работать

в центральном госпитале имени Бурденко нейрохирургом. Потом их курс сдал госы и по «системе» пополз очередной анекдот про Гоги. Его спросил кто-то из терапевтов:

– Как образуется билирубин?

– Очень просто – в прямой кишке под действием яркого солнечного света и свежего воздуха.

Ну, что отвечал Гоги далее, никто не знает, только четыре балла он получил.

В общем, я валялся на койке и припоминал все, что когда-либо слышал или читал о Грузии. В голове образовался винегрет из исторических романов и выкрутасов Гоги.

Потом пришлось помучиться со своими баулами на этих дурацких пересадках. И, как специально, пересадки нужно было совершать глубокой ночью, когда лучше всего спать или заниматься более приятными делами. Кое-кто так и думал – в поезде, в котором я ехал до первой пересадки, толпа ребятешек захотела порезвиться с двумя случайными попутчицами, гудели, ублюдки, всю ночь, а наутро их всех накрыла дорожная милиция. Стали собирать пассажиров, и меня спросили. Но я сказал, что болен, что после лечения стрептомицином развилась функциональная тугоухость и даже разговаривать с представителями правоохранительных органов мне очень трудно. Естественно, соорудил глупейшую страдальческую гримасу, классический ризус сардоникус, и еле сдержал смех, когда дорожный милиционер вспыхнул глазами и попятился назад.

В общем, пересел на другой поезд более или менее спокойно, если не считать небольшой истерики, которую я закатил у коменданта дорожных сообщений. Молодой такой лейтенант, вроде меня, только уже успел набрать килограммов тридцать лишнего веса. Сидит, зараза, за пуленепробиваемым стеклом и в щель всем отвечает:

– Билетов нет, могу посадить только на проходящий!

– Ну, так подсаживай! – кричу ему.

А он:

– Что-что вы сказали?

Дебил, точно, как Левушка из психиатрички, в которой я на пятом курсе тайком подрабатывал санитаром. Точно, как Левушка, только Левушке на заводе бетонное перекрытие уронили прямо на голову. С того самого момента он беспросветный органик: половина мозга мертвая, и все ответы его мимо. Как у этого лейтенанта. И даже такой же, как Левушка, этот лейтенант жирный. Только Левушка от болезни, а этот от чего?

Бывало, спросишь Левушку:

– Левушка, бабу хочешь?

– Уф, уф, – скажет Левушка, посмотрит на тебя и добавит, – Германия, – и заплачет.

Так и этот лейтенант. Ты ему:

– Билеты есть?

Он в ответ что-то о температуре воздуха на участке трассы Гори-Тбилиси.

В общем, мне надоел этот липофильный тип, я как заору ему в клетку:

— Я везу чемодан гормональных препаратов против ожирения! Меня больные ждут! Это спецкомандировка, срочно подсаживай!

Майор, что стоял рядом со мной у окошка и все пытался всунуть в щель удостоверение медалиста за службу Родине третьей степени, как бросится в сторону. Видимо, я достаточно громко заорал, или его ухо оказалось очень близко. Но не это главное. После моих слов лейтенант выскочил из своего убежища и стал вымаливать у меня хотя бы пару ампул для себя. Но я не мог дать ему ни одной ампулы, ведь гормоны под роспись выдают, как он не понимает? Ведь гормон добывают из гипофизов быков и вообще крупного рогатого скота. А гипофиз весит какой-то грамм. Когда я объяснил все это лейтенанту, он сбавил обороты и стал просить адрес, по которому можно заказать этот липолитический гормональный препарат. Я дал ему адрес, от балды, чтоб отвялся, билет-то он мне сотворил в одну минуту.

Потом вновь пересадка, уже в Сухуми. Но там полегче. Я, по совету соседа по купе, пересел в автобус. Чуть было не пожалел, но все обошлось. Дело в том, что, согласно местным обычаям, билет не дает права на посадку на место, указанное в нем. Поэтому, если место до твоего прихода уже занято, то никакие меры не заставят сидящего на нем освободить кресло для законного пассажира. Так и получилось. Я

еще подивился, чего это местные так рвутся в автобус? Мужики в отдельной очереди от баб, и все как на штурм Бастилии ломаются.

Я подождал, все же погоны обяыывают, когда все набьются в автобус, и полез сам. Смотрю, на моем месте сидит огромный такой, обрюзгший грузин и к тому же пьяный. Вот дурак! Разве можно в такую жару наливатьсЯ вином. То-то и стало ему потом дурно. Но это позже, а когда я разобрался, что он занял мое место, то, естественно, попросил товарища уступить его. Грузин посмотрел на меня так, будто неделю назад я изнасиловал его дочку. А со всех сторон как начали меня поносить, да так дружно, мол, какой я бесстыжий, и как я могу старого человека обижать, и вообще, что мне, военному, на ихней земле надо? И возвращайся, говорят, назад в свою Россию.

Тут-то я их и поддел:

– А я не русский! – говорю.

– Все равно, русский, раз военный. Все оттуда русские!

Я, правда, не понял, откуда это оттуда все русские. Но отвечаю спокойно так, как на экзамене:

– Моя фамилия Адам, и я немец.

Тут же примолкли, будто я представитель нации, которая стоит над всеми. А что, хороший прием. Когда я среди хохлов, я представляюсь хохлом, правда, делаю сноску, что фамилия моей матери украинско-польская; когда оказываюсь среди евреев, то называю себя евреем. Адам, говорю, – поль-

ско-еврейская фамилия, и так далее. Немцем я стал себя называть после одного случая. Я сидел как-то на пятом курсе с девушкой в ресторане, и подсел к нам за столик, подвыпивший застенчивый такой типчик, лет под пятьдесят, и что-то начал буровить на непонятном мне языке. Я ему в ответ:

– Чего, дядя, надо?

– Так ты не знаешь эстонского?

– Нет! – говорю ему.

– А немецкого?

Я отвечаю:

– Я прочитал где-то, что Эстония занимает последнее место в Союзе по знанию русского языка.

Этот типчик продолжает гнуть свое:

– Зато по знанию немецкого – первое!

– Ну и что? – спрашиваю его.

– Эх! – махнул он рукой. – Нам нужны парни вроде тебя, чтоб смогли сразу пару десятков повязать!

– Зачем? – спрашиваю я.

Этот тип тяжело вздохнул и просит:

– Слушай, закажи мне водки, а то мне уже не дают.

Тогда-то мне все стало ясно. Только пьяному могло показаться, что мне удастся повязать пару десятков человек.

Водки я ему заказал, почему же не заказать, раз просят? Но сам я запомнил, что немцев продолжают бояться, поэтому, как только начинают про национальный вопрос в какой-нибудь компашке воздух трясти, я сразу:

– Знаете фамилию командующего армией, которая шла на выручку Паулюсу?

Естественно, кто ж историю у нас знает, отвечают хором:

– Нет, нет!

Я тогда говорю:

– Генерал-майор Адам!

– Ну и что?

– А то, что это фамилия моей матери.

Вот и тогда в автобусе рейса Сухуми-Поти я такой же финт выкинул, сразу стало легче жить. Этот грузин сгоняет с места какую-то бабу, усаживает меня и начинает рассказывать, как он только что закончил вторую бочку вина с каким-то Важей Кварацхелией. Черт его знает, кто такой Важа Кварацхелия, но потом я понял, что это начальник милиции какого-то района или города. В общем, местная знаменитость, или главарь мафии, или чего-то еще. Я так и не понял, что он хотел сказать. Но автобус уже тронулся, и меня стали больше всего донимать мухи. Я тогда в первый раз заметил, что мухи летят на тепло. Да сидела бы, зараза, на оконном стекле, так нет, летит ко мне, стоит на теле выступить испарине. Я, помнится, так остервенело, как с мухами, ни с кем не боролся, не считая, конечно, комаров, но о комарах особый разговор. Так вот, муха чем противна – как сядет на тело, так обязательно это почувствуешь, тяжелая, скотина, а попробуй убить, ни в жисть – улетит, насмехаясь. Кешик как-то утром с очередного бодуна вернулся, сел за

стол у меня в кабинете и стал рассматривать убитую муху. Потом говорит:

– Она померла от «Примы», потому что ФОС ей все дыхальца склеил.

Тогда я в первый раз понял, что спуски на глубины свыше ста метров не прошли для Кешика даром, где-то в лобных долях засела у него пара пузырей. Но это все позже, а тогда, в автобусе, отгоню одну муху – другая летит, а под боком этот грузин про мафиози Кварацхелию треплется. Я еще подумал: «Чтоб тебя кондрашка схватила!». Как в воду смотрел – поплохело грузину.

Я хорошо помню цикл по фармакологии, на котором мы вводили кролику в вену морфин. Эффект на кончике иглы, кролик застывал, будто скованный невидимыми внутренними цепями. Я таким же скованным становился после каждого кросса. Стоило финишировать, как я из последних сил тащился к ближайшим кустам, в которых блевал до полного освобождения желудка. И кто только эти военно-спортивные комплексы придумал? Так вот, после освобождения желудка я застывал в какой-нибудь неестественной позе, как наморфиненный кролик, не в силах от усталости пошевелить ни рукой, ни ногой. Так что я могу теперь с первого взгляда определить, что происходит с человеком. Как доктор Ватсон или профессор Бодалев.

Грузин застыл на полуслове, как тот кролик, которому только что в вену протолкнули порцию морфина. Раскрыл

мужик рот, будто подавился, и взгляд стал тускнеть на глазах. Весь стал съеживаться, как мумия, сереть лицом и медленно, вроде как в шутку, заваливаться к окну, на котором базировались мухи.

Первая мысль у меня была правильная: «Инфаркт!». Вот грузин подвис головой и взгляд его остекленел. В общем, настало мое время. Я поднял панику. Остановил этот дурацкий автобус и приказал каким-то малолеткам вытащить пациента на траву. И надо же, прихватило мужика на отрезке дороги, где даже селения не просматривалось.

Для начала я пощупал у пострадавшего пульс, потом оттянул веки и посмотрел на зрачки. Стало ясно – помер кореш Важи Кварацхелии. Не знаю, как кто, а я с потенциальными трупами обращаюсь очень спокойно. Как и любой психопат, я очень чувствителен к каким-нибудь вещам, на которые никто из нормальных людей и внимания не обратит, и наоборот, то, что приведет нормального человека к психозу, у меня не вызовет даже раздражения. А вообще нормальный человек – это такая серая личность. И еще неизвестно, что лучше: акцентуация на грани диагноза или полная норма.

Тогда почему-то вспомнилось, как я учился делать инъекции, или как говорят в народе – уколы. Ну, взрослым это куда ни шло, а вот детям... Он лежит перед тобой крошечный, розовенький, а тебе нужно ему в попку всадить иглу, которой его не только поперек, но и вдоль проткнуть можно. Так я представлял себе, что передо мной просто кусок телятины,

в который нужно изо всей силы, но только на определенную глубину, всадить эту иголочку. И всаживал. Но парадокс – родители, да и сами детки, которые уже кое-что понимали, прибегали благодарить, говорили, что у меня рука легкая. А я не смог себе кожу проколоть скарификационной иглой, когда на кафедре нормальной физиологии изучали формулу крови. Попросил Серегу сделать прокол.

Вот когда грузин умер, я сразу подумал об уколе в сердце. А что, я смог бы в точку Ляррея попасть и на грузинском проселке, к тому же такой эффект! Тем более, мне не улыбалась перспектива исполнять грузину искусственное дыхание методом «рот в рот». От трупа так разило спиртным!

В чемодане у меня был и шприц, и ампула адреналина. Хотя, с другой стороны, чернявые, что меня окружали, могли подумать черт знает что, насмотревшись на мои действия, и вдруг кому-нибудь захотелось бы меня в окрошку?

А так ничего сложного: достаешь иглу, пусть даже не стерильную, тут лишь бы живу быть, вводишь иглу в полость сердца, далее, чтоб сердце перестало фибриллировать, нужно ввести хлористый калий, немного, пару кубиков, потом промыть иглу физраствором и немного покачать грудь, чтоб раствор дошел до клеток-мишеней. Потом через ту же иглу ввести хлористый кальций или адреналин, теперь можно иглу вытаскивать, и начинать «качать» грудь или нанести сильнейший удар по груди или между лопатками. Обычно сердце при такой подготовке запускается. Что же меня тогда

остановило?

Ну, конечно, не было хлористого кальция, а без него может быть извращенная реакция на адреналин. Я пошел по простому пути, или правильнее сказать, по традиционному: я подсунул грузину под лопатки чью-то сумку и как двину ему по груди кулаком. Повезло, нужно отметить. Когда я наносил удар, все отпрянуло, а какой-то грузинский идиот стал меня за руки хватать. Но пострадавший, труп этот, захрипел, заворочался, в общем, ожил. Хватило механической дефибрилляции.

Еще неизвестно, что могло сильнее взбудоражить толпу. Я стал хозяином положения, приказал ждать, пока я не отвезу пострадавшего в ближайшую больницу. Возвращаться не стал. Пока шло оформление и все такое, я успел пересесть на другой автобус, и знаю, что избежал большого нашествия почитателей. Да и хорошо, я так устал, что, когда подкатил к Потти, я хотел только одного – добраться до гостиницы и лечь спать.

2

Больше всего на свете люблю, лежа на диване, слушать музыку Вивальди. Только чтоб никто не мешал, а еще лучше, чтоб никого вообще рядом не было. Вот тогда врубишь маг, и когда потечет эта музыка, эти волшебные звуки, начинает казаться, что взлетаешь, а перед глазами расплываются моментальные рисунки, как линии, которые возникают в солнечный день на дне моря.

Конечно, я часто слушал и других композиторов. Баха, например. Но органная музыка, как гипноз, отрубает сознание посильнее транквилизатора. Сидишь, как цепями скованный, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Вивальди – то, что нужно. Запиликали скрипки, вроде сначала ничего такого не происходит, но вдруг берется нота, и как ножом по нервам, иногда даже больно, будто смычки душу рвут на части, бередают, терзают. Потом мягче и кажется, что на тебя опускается огромное снежное покрывало, становится прохладно и мягко, даже тепло и чудовищно прекрасно. Потом затихают по углам последние звуки, и наступает абсолютно рефрактерная фаза, во время которой ничто и никак не может меня возбудить. Но и сама эта фаза заканчивается, я наполняюсь силой, волнением, нет, скорее волнением, чем силой. В меня вливается энергия, но не энергия действия, а энергия какой-то рефлексии, и из моего тела начинается, напо-

добие тепловых лучей, струиться только что звучавшая музыка – феномен последствия, маразм, психоз, наслаждение? Комната вновь наполняется музыкой, и я в ней плыву. Но скоро источник гаснет, ведь закрома уже пусты, и все затихает, магнитофон шлепает пленкой, вырванной из пустой катушки, я сам пустой, как после очередного километрово-го кросса. Не хочется повторно ничего слушать, ни музыки Вивальди, ни рока, ни еще чего-нибудь другого...

Когда я добрался, наконец, к начальнику политотдела, у него в кабинете негромко звучала музыка. И это была музыка Вивальди. Но расслабиться мне не удалось...

Начпо сидел на стуле, как в зубоврачебном кресле. Я еще подумал, что такого никогда не прихватит радикулит, сидит так, будто у него не позвоночник, а бамбуковый шест. Я потом узнавал начпо по его посадке в машине или по походке. Когда я видел УАЗик, то сразу присматривался к тому, кто сидел, справа от водителя – если голова запрокинута так, что, кажется, вот-вот фуражка слетит с нее, значит, начпо. А ходил начпо так, будто только что сбросил с плеч рюкзак килограммчиков на сто, который он таскал дня два, не меньше.

А как про начпо трепались? Это я позже все понял, а тогда, в свои первые дни пребывания в бригаде, я чутко прислушивался к тому, что рассказывали про него. Говорили, что начпо периодически затевал с комбригом перепалки на тему, кто в бригаде главнее.

– Я комбриг! И вы мне подчиняетесь! – кричал капитан

первого ранга Ветров.

– Нет, вы – коммунист! А я главный коммунист в этой бригаде, значит, вы подчиняетесь мне, и я старший!

– Но у нас есть военнослужащие не коммунисты! – парировал капраз Ветров.

– У нас в Вооруженных Силах единоначалие, но на партийной основе!

Я долго не знал, что такое партийность руководства, пока Кешик не объяснил во время очередного светлого промежутка. Кешик сказал так:

– Если командир коммунист, то он руководит партийной организацией, а если нет, то опирается на нее.

Но все это будет потом, а пока я сидел на стуле в кабинете начпо и не мог расслабиться, чтобы послушать музыку Вивальди, тут было не до наслаждения.

Начпо вызвал матроса-секретчика и приказал, а голос у него был поставлен:

– Мне карту, срочно!

Карту района доставили и начпо изгалялся передо мной почти час, доказывая, что никакой турецкий корабль не проникнет в воды, которые охраняет бригада.

Я, пока начпо убеждал меня в мощи бригады, выискивал на карте названия турецких городов, которые располагались сразу за нашей государственной границей, то есть за речкой под названием Чорох.

Помнится, я где-то читал, что в начале века генерал Юде-

нич, тот самый, что в 1919 году навалился на Питер, воды Чороха сделал красными от крови, так умирал аджарские села.

Так вот, города, которые я запомнил, Артвин, нет, сначала Трабзон. Потом мне рассказывали, что в тумане иногда наши суда вместо Батуми выходили к Трабзону, а с моря он похож на Батуми, как две капли воды. Говорят, даже иногда начинали швартоваться, пока не показывалась на пирсе первая феска. Тогда рубили канаты и рвали когти на север.

Начпо, наконец, закончил и вновь вызвал секретчика:

– Позже унесете карту!

Ну и голос, прямо артист Зураб Соткилава, даже жаль стало, что начпо не грузин.

Начпо помолчал немного, прокашлялся, будто действительно закончил исполнять арию Отелло, и начал проникновенно этак рассказывать о трудностях службы в бригаде, о том, что много негативного, что только парторганизация поддерживает, опосредовано, конечно, боевую готовность на должном уровне.

Я читал названия далее: Артвин, Ризе, Гиресун...

– Да вы слышите меня?

Я встрепенулся и говорю:

– Так точно!

– Голос у вас хороший, – улыбнулся начпо. – В обиду себя не давайте! Я, помнится, тоже был лейтенантом. Собрались мы как-то на выход в море. Иду по пирсу, а мичман кричит

мне, мол, лейтенант, что там возишься? Давай побыстрее. Я как крикну: «Товарищ мичман, ко мне!» Построил его как следует, потом панибратства не было. Так и вы, не давайте себя в обиду.

Выдержал паузу, точно артист:

– Куда направили вас?

– В АСС!

– О-о! – скривился начпо, как от лимона. – Не повезло вам, у водолазов все начальство пьет. Так что берите власть в свои руки.

Потом помолчал немного и добавил:

– Вы коммунист? Где ваш партбилет?

– Нет, – говорю, – комсомолец.

– Ну, все равно, где билет и открепительный талон?

– В гостинице, – говорю, – не взял с собой.

– Плохо, – начпо вновь поморщился. – Нужно постоянно при себе иметь партбилет. А комсомол, пусть маленькая, но тоже партия.

Вновь пауза. И, наконец:

– Ну что ж, желаю успехов! – и встал.

Я пожал его горячую сухую ладонь и вышел.

Я подумал, что, в общем-то, неплохой начпо. А то, как понарасказывают про политработников, что сплошь диктаторы и ублюдки, так хоть в партию не вступай. В общем, мне начпо после первой нашей встречи даже понравился, а когда рассказали, что у него вторая жена на двенадцать лет его мо-

ложе, то я и вовсе зауважал такого человека, который смог, несмотря на положение, порвать отношения с нелюбимым человеком. В общем, в гостиницу я вернулся более уверенным в будущем, чем когда покидал ее. Всегда приятно осознать, что можно опереться на что-то или на кого-то.

Я не стал тащиться пешком через весь город в гостиницу, тем более, что начал накрапывать мелкий дождик. Так вот, остановил я такси, сел и указал название гостиницы, куда меня нужно доставить. А водитель, молодой такой грузин, для начала включил магнитофон, а потом счетчик, а когда тронулся с места, покосился на моих змей в петлицах и спросил:

– Слушай, ты не можешь достать промедол?

В салоне звучал разухабистый рок, поэтому я не понял, что водитель хочет. Я ответил нейтральным вопросом:

– А что такое?

– Да у моего родственника фантомные боли, нужно достать, – пауза. – Я деньги дам.

Он так интересно произнес: «Денгы дам!» Мне кажется, в Грузин это самое популярное выражение. Так вот, тогда, в первые дни, я еще не мог различать по внешнему виду, кто передо мной – обычный человек или наркоман. Это позже я стал различать их по внешнему виду и по манере поведения. Например, если глубоко завалены глаза и взгляд как из колодца, при этом человек постоянно твердит, что не курит и не пьет и всегда старается подсесть к тебе, как к врачу – значит ОН. И точно, частенько все происходило по одному

сценарию: вычисление на вечеринке или за столиком меня, как врача, потом подсадка, далее невинные вопросы, а под занавес просьба в лоб:

– Продай морфин!

Тут же приводились причины: то фантомные боли у родственников, то, у них же, неизлечимая болезнь вроде рака с метастазами, то хроническая ишемическая болезнь сердца. Я одному посоветовал при последней форме вместо наркотиков применять двухпроцентную нитроглицериновую мазь, так он подумал, дурило, что я цену набиваю.

Когда я был в Севастополе в интернатуре, то зашел в ресторан.

Конечно, я знаю запах конопли, этот терпкий сладковатый запах, от которого сушит слизистую во рту и полости носа. Индийская конопля! Мой однокашник, Витек Петриков, баловался коноплей. Но это увлечение для него сурово закончилось, не рассчитал дружочек! Еще в «системе» я замечал, что Витек балуется таблеточками. Но что самое интересное, так это Витькина память. Перед экзаменом он выучивал книгу так, что мог указать в тексте знак препинания следующим образом:

– Поставлено двоеточие на странице сто двадцать четыре, пятая строка сверху!

Да, именно так! К третьему курсу Витек стал выбрасывать всякие фокусы. Стоим в строю, вдруг у Витьки начинается неукротимая рвота. Я думал, что Витек выпендривает-

ся, но дальше больше: пойдём с ребятами в пивбар, так Витек опрокинет в себя парочку кружек и начинает подвисать на плечах товарищей. Даже по «системе» ходил анекдот:

– Знаешь симптом Петрикова?

– Нет.

– Снять подругу, привести к себе в номер и лечь спать.

– И все?

– Все!

Позже, ближе к выпуску, у Витька стали вываливаться из карманов упаковки различных таблеток психотропного действия, а кончилось тем, что на втором году службы в звании лейтенанта Витек как-то ночью пришел в лазарет и предложил дежурному себя в качестве подмены. У дежурного семья и все такое, к тому же подобных предложений никто и никогда не давал. В общем, заменились. Утром приходит в лазарет начальник и видит: Витек лежит на полу в наркозе, а в журнале запись: «Больной – матрос Петриков, диагноз – болен», в графе «Что сделано» – «Введен морфин в такой-то дозе».

Так вот, Витек как-то при мне забил косячок в папиросу «Беломорканал». Делал это так: выдул табак из папиросы, вместо него впихнул волокна конопли. Подкурил и стал затягиваться, а в перерывах попивал сухое вино. С тех пор я и знаю этот сладковатый запах. Тогда с Витьком я сам попробовал затянуться раз-другой. Но я ничего не почувствовал, только горечь, и еще меня потом тошнило. И чего хорошего

находят в наркотиках?

Так вот, в Севастополе, в зале ресторана, пахло коноплей, это точно. В фойе прохаживались милиционеры и совершенно спокойно занимались своими делами. Со мной тогда за столиком сидел какой-то носатый с черными волосами, говорил, что из Баку. Этот айзер повел своим необъятным шнобелем и изрек:

– Нет у вас в России Советской власти! У нас бы весь ресторан перетрясли, но нашли, откуда пахнет!

Таксисту я ответил так:

– Прости, брат, но я пока не материально ответственный!

Конечно, я не собирался «тянуть» червонец за продажу наркотиков, нет, что я, дурак, что ли? И никогда бы я не стал этим поганым делом заниматься. За все время службы я только и сделал, что назначил десять таблеток кодеина. Но чтоб я деньги взял – никогда. А получилось, как: ко мне подошел Грек, был такой матрос. Вернее, не матрос, а как бы матрос. Грек был из группы ребят, которые после окончания мореходки отрабатывали несколько лет в части, и только тогда им выдавали военный билет. Ну и служба у этих мореходчиков, нужно отметить. И не военные, и не гражданские. Ползают по территории, как неприкаянные, приказать им никто не может, шляются, в чем хотят, пьют как сапожники. А Грек, оказывается, и наркотиками еще баловался.

В общем, как-то Грек подходит ко мне и напрямик:

– Не могу, доктор, ломка!

Я, молча в кабинет, Грек за мной. Достал десять таблеток кодеина и молча выложил их перед Греком. Потом вытащил журнал для списывания препаратов группы «А» и пишу его имя, фамилию и т. п... а в конце диагноз: «Не купирующий-ся обычными средствами приступ кашля».

– Понял? – говорю Греку.

Тот внимательно читает диагноз и кивает головой. Я еще:

– И это было в первый и последний раз! Больше не подходи.

Что нужно отметить, не подходил больше Грек, видел я, что мучился, рожа была такая, что хоть в реанимацию помещай, но как-то спасался.

Вообще-то частенько подходили местные и просили продать что-нибудь из наркотиков, один даже предлагал по рублю за каждую таблетку эуноктина.

А то был случай. У одного знакомого старпома корабля оказался портфель, битком, набитый наркотиками. Корабль, видимо, только что укомплектовали личным составом, и доктора не было или еще какая причина, но наркотики оказались бесхозными. Вот старпом встречает меня и заговорщически начинает шептать:

– Не поможешь наркоту толкнуть? Все поделим пополам!

– Помогу, – отвечаю я, а сам думаю: – «Зачем связываюсь?».

В общем, нашел я брата Гундосого. Я сразу приметил, что братишка Гундосого из породы «ширяющихся». Спирт-

ного в рот не берет, глаза шальные, а сам иссох весь, что смотреть без слез нельзя, будто на каникулы в Майданек образца второй мировой войны ездил. В общем, говорю братишке Гундосого:

– Оптом купишь?

Только эти два слова и сказал, а он:

– Конечно!

И тут я сдрейфил, уж больно резко он согласился.

– Да я пошутил! – говорю ему, и постарался рассмеяться.

Так этот чертов братишка Гундосого отлавливал меня в течение месяца и все приставал, мол, кончай дурить, продавай. И еще заподозрил, что мне просто предложил какой-нибудь идиот больше, чем предлагал он. Дубина! Чтоб я с таким проходимцем связался, от которого потом можно ожидать всего, что угодно?! Чтоб настала жизнь, как в детективных романах, с шантажом и ажиотажем!

Я встретил этого ублюдка старпома и сказал:

– Знаешь, друг, ничего не выходит! Покупатель есть, но мне на хвост особисты сели, так что хочешь, с покупателем сведу, сам отдувайся.

Это надо было видеть, как старпом побледнел. Хоть одно приятное воспоминание об этой истории осталось. Как побледнел мерзавец.

Что меня добивало в местных домах, пусть это были гостиничные номера или чьи-то квартиры, неважно, так это комары. Разве можно забыть эти роящиеся тучи комаров! Их так много, и ничто их не берег. Укроешься с головой, ну, думаешь, под простыней они тебя не достанут. Засыпаешь, но ведь в этих краях еще и душно, так что стоит навалиться сну, как непроизвольно простыню сбрасываешь, и тут же начинается пытка. А этот мерзкий писк! Поэтому, как только позволяла погода, я спал на палубе какого-нибудь судна, если, конечно, не было дождя. Ведь дожди в этих краях такие, что не забыть вовек. Да и как забыть дождь, если вода низвергается с небес неделю – другую подряд, без единого перерыва. Нацепишь, бывало, новые погоны на форму номер два и на тебе – полило. Погоны после сушки коробит и приходится покупать новые. Только нацепишь – опять дождь. Сколько можно? Здесь нет грязи. Нет ее потому, что нет, в общем-то, почвы, осталась только крупная галька. Остальное вымыла вода. И выдуло ветром. Ветра тут такие, что приходится по осени буквально ложиться на этот самый ветер, иначе кубарем покатит по пирсу. Как объявят штормовую раз, всем становится ясно, что обычный дождичек с ветерком на парочку неделек – и сидеть всем безвылазно в части, ждать у моря погоды.

С первой же отсидки после приема дела я стал копаться в бумагах моего предшественника, того самого, о ком по «системе» ходили анекдоты. Я его здесь встретил, в бригаде, совершенно случайно. Иду в часть представляться командиру, смотрю – навстречу мне весь такой из себя упакованный в форму, как в экипировку матадора, сам Гоги. Я, конечно, узнал его.

– Привет, коллега!

– Привет! – говорит грузин.

– Где служишь? – спрашиваю.

– В АСС. А ты?

– И я в АСС, – говорю.

Я-то понял, что его сменять нужно, а грузин глазами захлопал, соображает, значит.

– Так здесь одно АСС.

Не стал я коллегу дурачить, говорю:

– Ты че, не понял? Я тебя сменить пришел.

Тут возникла радость, начал коллега меня на такси по городу катать и все такое. Так вот, когда кончилось бабье лето, с местным колоритом, естественно, и когда за брекватером уже из-за стены дождя не стало видно кулевского берега, подул местный ветерок, и тучи стали виснуть над самой головой и все такое прочее, для меня это закончилось объявлением штормового предупреждения. Я стал разбирать бумаги предшественника. И как-то натыкаюсь на толстую кипу рапортов, в которых изложена суть одной и той же просьбы –

перевести славного военного-морского врача из Поты в славный город Тбилиси, так как разбивается семья из-за дальнего расстояния. У жены в Тбилиси работа, которую она, аспирант института международных отношений, не может бросить, а у нашего Гоги служба не менее важная для всего народа. В общем, стало мне ясно, чему радовался наш грузин, когда увидел меня – семья не распадалась, а укреплялась с моим приходом.

И все-таки, каким образом он перевелся в Тбилиси? При помощи рапортов или мелких услуг? Ну, при помощи больших услуг и дурак перевестись может, только не каждый в состоянии предложить большие услуги. Вот я, сколько привез этому старому гипертонику цитрусовых! Не счесть, все меня кормил кадровик обещаниями! Сколько я рапортов написал с просьбой о переводе! И что? Бумага, как на местном ветру, куда-то улетела, без ответа и привета. Нашему Гоги, гляди ты, повезло – ответили на рапорт и даже вопрос положительно решился. А что, значит, перевести морского врача в Тбилиси? Это, значит, переодеть его в сапоги. И теперь ходит наш Гоги по площади возле Дома Советов в сапогах и с тоской вспоминает о славных днях, проведенных на флоте. Правда, я об этом никогда не узнаю, ведь не приедет в Поты наш Гоги, чтоб со сменщиком повидаться. Да ладно, переживем.

В общем, в свою первую отсидку, по штормовому предупреждению номер один, я не только нашел документы о вос-

соединении семьи, но и распорядок дня работы врача-физиолога. Оказывается, Гоги выбил себе два дня работы в госпитале, и это каждую неделю, и кроме дежурств и прикомандирования. Отлично, надо сказать, он устроился. Тоска меня взяла по клинической работе. Ведь кто хоть раз постоял за операционным столом, уже никогда этого не забудет. А что после выпуска? Отсидки в части в ожидании хорошей погоды у моря.

В общем, пока я грустил под дождепад и порывы ветра, в кабинет ввалился Кешик, наш командир. Тужурка насквозь пропиталась влагой, и с него столько воды, что я, грешным делом, подумал о том, откуда он пришел, – даже в проливной дождь нельзя так вымокнуть. Я уже знал, что Кешик того, «зашибает», наслушался от начпо и от случайных прохожих. Поэтому, первым делом, я подумал, что Кешик ввалился ко мне, чтоб выпросить чего-нибудь выпить.

За окном творилось невообразимое, и то, что Кешик не спешит убраться из кабинета, у меня не вызвало удивления. Ну, сидит перед тобой твой непосредственный начальник, ну, молчит, ну, поглядывает по углам, заглядывает под кушетку, ну и что?

Я подумал немного и говорю:

– В такую погоду, товарищ капитан третьего ранга, только и делать, что лежать в постели с красивой женщиной и потягивать из рюмочки спирт. А?

– Точно, док, у тебя же есть?

– Нет, – говорю, – я же ничего не получал, а сменщик ничего не оставил, даже журналов списания нет.

– Не может быть!

Кешик, нужно признаться, так оживился, забежал по кабинету, стал распахивать дверцы шкафчиков и все приговаривал:

– Я же видел, как он оставлял. Я же сам видел.

Я не понял, что Кешик видел, но потом оказалось, он знал, что искал. Лезет Кешик в шкафчик с инструментарием и достает почти полную бутылку спирта.

– Во! Что я говорил. Давай, док, стаканы и витамину.

Потом я понял, почему Кешик поначалу мялся, стыдно было первым предложить молодому лейтенанту выпить.

Налили по стакану, выпили. Кешик как-то быстро осовел. Я еще подумал, что ему плохо станет, но так я думал только тогда, в первый раз. В общем, Кешик для порядка поупрашивал меня выпить с ним еще, и когда я отказался спирт хлестать, сам выдул бутылку. Потом отвалился на спинку стула, стал бросать в рот по одной витаминине «Гексавита» и все приговаривал:

– Ты хорошо, док, подготовлен. Диспетчера о тебе хорошо отзываются.

Я еще подумал, какой именно из диспетчеров? В части, кроме дежурного матроса, всегда назначался диспетчер, который следил за старыми лоханками из отделения вспомогательных судов. Эти диспетчеры все были пенсионерами.

Старики. Одному, буквально на следующий день после того, как я представился Кешику, вручили грамоту за то, то пробыл в рядах КПСС пятьдесят лет. Этот ветеран партии, Хмылев его фамилия, уже страдал тугоухостью. Бывало, как услышу, что кто-то дует в микрофон минуты три, проверяет, работает или нет, значит, Хмылев.

Так вот, другой пенсионер, видимо, решил проверить мои профессиональные знания, когда я томился в рубке, и спросил, какие новые средства имеются в медицине по лечению геморроя?

Я сразу смекнул, что не стоит ему говорить о гигиене, о препаратах, тонизирующих венозную стенку, о диете и тому подобное. Ясно, если спрашивает о новых методах, то старые освоил. Я и говорю бывшему полковнику:

– Есть способ, пять баллов. Нужно минут по двадцать ежедневно босиком ходить по мелким острым камням. Или сесть на стул, взять ногу и ребром ладони наносить в течение двадцати минут удары по медиальной части ступни.

– Как это – медиальной? – переспросил диспетчер.

– Ближе к середине, – ответил я.

Полковник помолчал, потом покачал головой и сказал многозначительно так:

– Да-а, такого способа я не знал. А из какого это источника?

– Из «Камасутры», – соврал я, – это восточный метод рефлексотерапии, очень эффективный, только по острым кам-

ням нужно ходить именно двадцать минут и именно каждый день, тогда рефлекторно повышается тонус сосудистой стенки в прямой кишке, самый новый способ.

Может, отставной полковник что-то Кешику сказал, а может, и сам ветеран Хмылев. Хмылев меня спрашивал о наличии в амбулатории стугерона, но предшественник ничего такого из дефицитов не оставил, поэтому я Хмылеву и отказал. Значит, что-то говорил полковник.

Я подумал, что разговор повернулся в нужное для меня русло, и достал небольшой флакончик спирта, что остался у меня после ревизии кладовой. Видимо, сменщик забыл про кладовую, а там чего только не было! В общем, даже спирт нашелся. Выставил я этот флакончик перед Кешиком, тот взвыл от радости и начал болтать о том, что теперь он будет с доктором, со мной, то есть, хорошо ладить. Тогда я дождался, когда Кешик зальет в свой отстойник очередную дозу «шила», и приступил:

– Товарищ капитан третьего ранга, что вы скажете, если я попрошу пару дней для работы в госпитале, а то ведь все позабуду, чему учили.

Кешик взял в руки флакончик, вылил остатки спирта в стакан и продекларировал:

– Пусть отсохнет та рука, которая себя обделила.

Выпил все единым духом и прошептал:

– Согласен, работай.

Я тут же подсунул бумагу с рапортом о работе в течение

двух дней недели в госпитале, чтоб Кешик подмахнул. Кешик помедлил секунду и поставил свою подпись, потом положил ручку на стол и говорит:

– Док, дай еще витамину.

В общем, пока сидели в части по штормовой «раз», я успел все оформить и вывесил на двери распорядок дня точь-в-точь как у моего предшественника. Вот так-то, думал я, пусть знают наших. Не только они, но и мы можем хорошо устраиваться, без особых натуг.

Но сразу воспользоваться свободным, при том официальным временем не удалось. В штабе устроили для молодых офицеров что-то вроде курсов адаптации к службе. Ежедневно звонили в часть и просили командира обеспечить явку молодого лейтенанта, то есть, меня в штаб для участия в сборах молодых офицеров. Я, конечно, никуда не ходил. Нужно было найти квартиру, не век же мне ночевать в кабинете! Правда, на одно занятие я пошел. Вел Захаревич, финансист, в общем, посидел я немного, он что-то про приказы говорил, о денежном довольствии, о процентах за выслугу лет. Ну, зачем, скажите, мне это слушать? Подъемные я получил, начислят ровно столько, сколько положено, зачем еще раз повторять, что 5 процентов положено надбавки после определенного срока службы в звании офицера? В общем, мне надоело слушать этого Захаревича, и я задал вопрос:

– Не скажете, товарищ майор, как будут оплачивать квартиры, которые мы снимаем в городе? Говорят, должны вы-

делять деньги для уплаты хозяевам в финчасти?

– А вы кто такой? – спросил этот майор, – что-то вас не припомню. Вы что, не посещали занятия?

– Посещал. Только у меня лицо незаметное и я лишних вопросов не задавал, сегодня задаю первый.

Захаревич покрутил головой, что, видимо, означало: много будешь болтать, голову скрутят, и говорит:

– По существу заданного вами вопроса могу ответить, что закон о выплате частным лицам денег за счет воинской части отменен еще в 1936 году. Так что платите из своего денежного довольствия.

– А тогда пусть обеспечат согласно приказу Министра обороны квартирами в течение первого года службы.

Захаревич опять покрутил головой, что означало, видимо, следующее: ох, и скоро тебе голову свернут и выбросят. И продолжил:

– Это зависит не от Министра обороны. Обеспечивают квартирами согласно списку нуждающихся в части и из имеющихся средств. Как строят, так все мы и получаем свои 10 процентов.

– Тогда зачем строить новые корабли, если офицерам жить негде?

– На этот вопрос вам ответить может сам министр обороны, обратитесь к нему.

В общем, Захарович состроил такую мину, что я понял, пора спросить его о проблемах старшего офицерского состава.

ва, иначе я не доберусь до министра обороны, сам Захарович мне салазки закрутит.

Я говорю:

– Товарищ майор, а почему разница между младшим и старшим офицером такая незначительная, всего каких-то тридцать рублей? Ведь это без учета индекса жизни. Как же в таком случае майору престиж старшего офицерского состава выдерживать, если приходится до полочки жены одалживать у мичманов по червонцу?

Захаревич скосил на меня глаза и говорит:

– Скажу по секрету, скоро повысят должностные оклады, так что служить есть за что.

Смотрю, успокоился Захаревич, ну и, слава Богу, а то что-то он стал лицом темнеть, да и глаза нездорово заблестели. В общем, на первом же перерыве я смылся искать себе квартиру, потому что на министра обороны в отношении жилья надежды мало. Я даже и рапорта на постановку на очередь не писал, бесполезно, пока не женат. Это ты становишься, заметен, когда жена начинает периодически вламываться в кабинет начпо с кучей детей и требовать жилплощадь, угрожая остаться в кабинете навсегда. Только и это не помогает, насколько мне известно. В общем, пошел я в город квартиру искать, да не тут-то было, везде от ворот поворот. То родственники должны подъехать, то заломят такую цену, будто я служу в американском флоте.

К обеду оказался я у духана, что неподалеку от КП брига-

ды. Духан назывался почему-то «Белый камень». Это позже я узнал его другое название «У Резо». В общем, зашел я в духан, заказал духанщику что-нибудь покушать с мясом. А тот в ответ:

– Хабаби?

Я говорю:

– Чего?

– Тогда солянку?

– Не понял?

– Хинкали?

– Это как?

– Кучмачи есть, дорогой, выбирай, что хочешь!

Я помялся и говорю:

– Дай чего-нибудь, где мяса побольше!

Духанщик наливает кружку пива, потом выводит долго и усердно какую-то каракулину на грязном клочке бумаги и протягивает мне и при этом улыбается. Даже как-то неловко, вроде я первый раз вижу человека, а он мне улыбается как старому знакомому или даже другу.

– Иди, дорогой, в окошке подадут.

Я пошел к окошку, и действительно, толстая, почти необъятная баба в засаленном фартуке, из-под которого проглядывалось черное одеяние, только взглянула на клочок бумаги и тут же навалила мне целую тарелку пахучего, сдобренного различными специями, мяса, полила очень острой подливкой и еще пожелала приятного аппетита. Что ни гово-

ри, а в этом духане культ СТОЛА, да еще какой. После мяса пришлось выпить несколько кружек довольно паршивого пива, ибо стала донимать жажда, при том жажда неистребимая. Что поделать – местная, вызывающая жажду кухня.

Только я собрался выйти из духана, как меня подозвал к столу какой-то мужичок.

– Ты врач?

– Врач, – отвечаю я.

– Слушай, есть просьба, посмотри рецепт, что-то мне сомнительно, правильно выписали? А?

– Покажи.

Мужик достал рецепт и протянул мне. Я посмотрел. Был выписан стрептомицин, в правильной дозе и сроках введения.

– Все правильно, – говорю ему. – А что, не нравится?

– Да тут врачи, знаешь, я как-то всегда боюсь.

– А жизнь вообще как? Как местные? Нет конфликтов? Вы-то, кажется, русский?

– Да, я русский, а жизнь здесь отличная. Если есть среди грузин друзья, не пропадешь, помогут, поддержат, то, что нужно. Хочешь водки?

– Нет, – говорю мужику, – меня после мяса изжога мучает.

– Так нужно водки выпить, сразу пройдет.

– Серьезно, что ли? Ведь слизистая раздражена, а тут водка?

Мужик молча плеснул мне полстакана водки. Я выпил.

Потом ничего облегчающего не почувствовал, но теплее стало.

– Знаешь, – начал я, – квартиру ищу, но город как пустой, ничего нет.

– О, дорогой, так я тебе помогу! Запиши адрес.

Я достал листок и записал.

– Запомни, хозяина зовут Важа, он тут на морзаводе бригадиром работает, скажи, от меня, от Семена, понял?

– Понял, – говорю, а сам думаю, что, наверное, очередной пролет, что-то очень легко за стаканом водки все получается.

Но поблагодарил Семена, дал телефон своего кабинета и ушел. Но, как ни странно, все получилось. Хозяином квартиры действительно оказался Важа, и действительно он работал бригадиром на заводе.

– Я от Семена, – говорю хозяину.

– Заходи, – и все, через пять минут сговорились: за шестьдесят рублей в месяц Важа сдавал мне комнату в его квартире, при условии, что его не будет в квартире с утра пятницы до вечера вторника. Хозяин в эти дни ездил к себе в селение, там у него дом, жена, дочка, которая была в отсидке у родителей по случаю отбывания мужем срочной службы. Я, конечно, согласился на такие условия. Перетащил барахлишко, пару дней приживался и уж потом, порядком искушенный комарами, отправился в свободные, честно выбитые мной дни, работать в госпиталь.

В госпитале хорошо, все знакомо, привычные запахи,

привычные сцены, знакомые инструменты, родные белые халаты – в общем, «своя атмосфера». Пусть госпиталь небольшой, всего на сто коек, но в нем есть все, что нужно, а самое главное – это операционная. Ведь я в «системе» не вылазил из дежурств, оперировал с самим Фаркграфом, не с кем-нибудь, помню, как в первый раз у меня тряслись руки, когда я ассистировал ему во время операции мастэктомии по Урбану-Холину. Оголили подключичную вену, и стало как-то не по себе. Огромная темная вена и, кажется, такая тонкая, ткни пальцем – и кровь вырвется струей, забрызгает лицо, а у Фаркграфа очки, и протирать нельзя. Странное чувство, будто стоишь у ворот жизни...

Понятно, что я пошел, представился начальнику госпиталя, моложавому подполковнику с черными, как смоль, волосами и попросился работать на хирургии. Начальник меня направил в ординаторскую хирургии. А в ординаторской, это всегда так, никого не было, только по коридору шлялись сестры. Я по опыту знал, что нужно подружиться с медсестрами, они все знают, всем владеют, да и среди них есть подружки что надо. Остановил первую попавшуюся и говорю:

– Кто тут у вас ведущий хирург?

– Начальник отделения?

– Нет, ведущий, ну, как это сказать, лидер.

– Ну, понятно, вы спрашиваете про начальника отделения, так Виктор Петрович, он сегодня не будет дежурить.

«Чтоб эта дура провалилась, – подумал я, – не понимает,

что ли, о чем я ее спрашиваю».

– А кто сегодня дежурит?

– Старший ординатор Дымов.

– Я где его найти?

– Он сказал, что будет к вечеру.

И ушла, дура, два слова связать не может.

Пошел я в приемное отделение, смотрю, под стеклом у дежурной сестры лежат номера телефонов водоплавающих врачей, ну, тех, кто на кораблях служит, и записочки типа: «Если привезут кого-нибудь на операцию, то позвонить...» и далее телефон и фамилия. «Конкуренты!» – сразу понял я. Пока сестра ползала по процедурному кабинету, я тихонечко эти записочки вынул из-под стекла и ушел в город. На дежурство, главное, придти первому и успеть первому же, подмыться и стать за операционный стол, а там пусть ищут, кто записочку уничтожил.

Пошлялся я по городу, выпил кофе у старой то ли церкви, то ли мечети, и пошел спать к себе, то есть, к Важе на квартиру. Прихожу, а время хоть и рабочее, но Важа дома. Сидит, пригорюнился.

– Что, – говорю, – случилось, Важа?

Важа поднял голову, я сразу понял, пьян хозяин.

– Эх, – начал Важа, – получили металла на три ракеты на подводных крыльях, две построили, а на третью железа уже нет.

– А где оно, куда делось?

– На шабашку пошло.

– А как списывать будете?

– На ржавчину, – отозвался Важа и опять опустил голову.

Я повертелся немного и опять подхожу к хозяину, спрашиваю:

– Чего все-таки такой грустный?

Важа опять поднял голову и молвит:

– День сегодня плохой, шабашки мало, только пятьдесят рублей.

– А сколько лист этого металла стоит, что вы получаете на эти самые ракеты?

– Пятьдесят рублей.

– И что, тебе мало, ведь лист толкнул налево?

– Мало! Надо много листов.

И как люди не боятся? В городе идешь среди частных домов, так кажется, что идешь среди железнограда – все крыши и стены домов обшиты листовым железом. Но это их дело. Милиция должна хищениями заниматься, а не молодые офицеры.

Лег я спать, а когда проснулся, уже вечерело, и Важи дома не было. Ну и слава Богу, у Важи не было передних зубов, поэтому когда он что-то говорил, то понимать приходилось только по отдельным словам, так что разговор не приносил приятных моментов в общении. Я быстро натянул форму и направился в госпиталь.

Нашел Дымова и говорю, как обычно принято:

– Помощь нужна?

– А ты кто? – спрашивает Дымов.

– Лейтенант, – говорю.

– А-а, на месте Гоги который?

– Да.

– А оперируешь так же, как он?

– Я не знаю, как он оперирует.

Хотя, конечно, я знал, как он режет, анекдоты по «системе» ходили.

– Ладно, оставайся, посмотрим, что ты за гусь.

Только он закончил говорить, как звонят из приемного, привезли какого-то матросика срочной службы – аппендицит.

– Ну, пошли, внук Поля Бэра, – сдохмил Дымов.

Надо же, теоретика и основоположника водолазной медицины знал по имени. Выпендривался, в общем, этот Дымов.

Я быстро подмылся и стал к столу, вкатили матросика, а тот, молоденький такой грузин, все кричит:

– Дэдыко, Дэдыко!

Дымов вошел следом, как услышал вопли больного, тут же:

– А ну, ты, закрой рот, кому говорю!

Переложили парня с каталки, ограничили операционное поле и стали вводить новокаин. Сделал Дымов «лимонную корочку», потом игла пошла глубже в ткани, а матросик все кричит:

– Дэдыко! Дэдыко!

Тогда Дымов приподнимает корнцангом стерильную простыню и как двинет своим кулачищем по груди матросика, аж по всей операционной гул пошел. А матросик все кричит.

Сестра от неожиданности выронила скальпель, так Дымов еще и на нее наорал. Где он учился, хотелось бы мне тогда знать, но другие дела появились, и поважнее.

Парень кричит по-грузински: «Мамочка, мамочка», а Дымов:

– Закрой рот, болван! Хватит орать!

Пока друг другу выдавали трели, подошло время делать разрез. Дымов полоснул скальпелем, дошел до брюшины и только ее вскрыл, как пахнуло гноем на всю операционную, я чуть не стравил от неожиданности. Стало ясно, – аппендикулярный инфильтрат. А это уже подсудное дело. Дымов тут же присмирел. Приказал вызвать начальника отделения. Пока посылали машину, мы обложились салфетками и сидели на скамеечках в позе молящихся христиан и слушали голос матросика, который продолжал мамочку звать.

Когда прибыл начальник отделения, до рассвета вычищали парню брюхо от гноя. Когда за окнами рассвело, увезли на каталке умолкшего, наконец, пациента. Дурак этот Дымов, когда полживота в гное, разве можно обезболить! А он еще кулаком стучал, убудок. А еще про него говорили, что он хороший хирург. Дерьмо.

Просто таким везет. Действительно, таким везет. Я встре-

тил пациента дня через три уже на улице, вернее, во дворе госпиталя. Он шел, слегка согнувшись, и держался рукой за место разреза. Почему-то вспомнил, что этот парень был не грузин, а аджарец, то – есть советский турок, почему я вспомнил про турков? Как-то разбирали в «системе» корейскую войну. Против демократических сил, кроме бригады из США, были еще и французы, и бригада из Новой Зеландии, так еще действовала и турецкая бригада, и в чем суть, ведь именно турки остановили наступление наших восточных братьев, остановили и повернули бригады желтых назад. За счет чего: если говорить просто, то за счет массы здоровья. Кто в наш век будет легко переносить огнестрельные ранения, не бояться голода, лишений? Может, этот аджарец потому так легко и выкарабкался – за счет бычьего здоровья? А за счет чего же еще? В общем, повезло Дымову.

Дымову повезло, а вот Кешику с Дымовым не повезло. Когда Кешика увольняли, Дымов проявил принципиальность.

Вообще-то Дымов крутой мужик, но я бы не хотел быть под его началом. Естественно, после этого дежурства я на хирургии не появлялся.

Когда решило командование бригады освободиться от Кешика подобру-поздорову, за счет списания по диагнозу (десять процентов больных псориазом списывают ежегодно), то уложили его в госпиталь на обследование. Кешик тут, конечно, просчитался. Госпиталь – не мой кабинет, куда можно войти и с порога выдать:

– Ну что, док? Нужно повеселиться.

Ну, допустим, налью я Кешику, как командиру, сто грамм «шила». Он выцедит дозу, потом обязательно поцелует донышко стакана и скажет:

– Все прощаю! – потом покрутит в воздухе пальцами, как будто считает деньги: – Витамину, док!

Потом бросит себе в пасть парочку оранжевых шариков и исчезает до окончания действия дозы. В госпитале он, конечно, того, борзанул. Кешик, томимый жаждой, подходил к забору госпиталя и ждал в засаде, пока по аллейке пройдет кто-нибудь из местных. Тут же шло обращение:

– Эй, биджо! Ори чача! Чкара! – то есть, две бутылки чачи и побыстрее. Давал деньги и ждал.

Мальчик приносил чачу. Кешик отхлебывал из одной бутылки порядочный глоток, затыкал припасенной заранее пробкой и бросал в густую траву у забора. Потом шел на процедуры. Но у Кешика была одна, на первый взгляд, неприметная черта: чем он сильнее напивался, тем шире расставлял при ходьбе ноги. При полной амнезии Кешик ходил как циркуль. Я часто наблюдал, как Кешик шел по пирсу с совершенно трезвым на первый взгляд лицом, но, широко расставив ноги, а поутру оказывалось, что Кешик ничего не помнит. В госпитале получилось так: Кешик, действуя по старой схеме, подозвал паренька, а когда тот исполнил его приказание, то есть, принес чачу, то засосал всю бутылку по случаю воскресенья. Далее в приятной истоме Кешик двинулся

по аллее, но на беду приехал зачем-то Дымов, и посмотрев вслед Кешику, заподозрил неладное.

– Товарищ капитан третьего ранга, подойдите, пожалуйста! – позвал Дымов.

Кешик спохватился, но поздно, тогда он ответил так:

– Одну минуточку, я только в туалет схожу, – и бросился в корпус.

В общем, сидел Кешик в гальюне до вечера, но Дымов не отступил, дождался, когда Кешик выйдет. У туалета также стоял и патруль, вызванный Дымовым. Когда Кешик вышел, его отправили в комендатуру, а позже турнули из Вооруженных Сил.

Я никогда не забуду эту рожу! Черт бы побрал этого оперативного. Одна рожа чего стоит! Если б у нас еще и за морды сажали, этого – в первую очередь. Впрочем, тогда бы и Серега, что пиво зарабатывал своим портретом, тоже был бы посажен. А это ни к чему.

В общем, началось все неудачно: сидел как-то с Кешиком в своем кабинете, утро такое хорошее, только-только началось бабье лето, погода прелесть, тишина, на небе ни облачка, в воздухе ни комара, и душа поет, вроде, как и не в Грузии. Кешик, как водится, уже успел у меня выпросить полстакана «шила» и теперь сидел в трепетном ожидании начала его действия. И тут звонок. Черт бы побрал этот телефон. После этого случая телефон сломался, и его не могли починить в течение двух или трех месяцев, я даже счет времени потерял.

Беру я трубку и представляюсь, мол, лейтенант такой-то у телефона. Из трубки слышу:

- Ну-ка, мне Бондаренко и побыстрее!
- А кто говорит? Представьтесь, пожалуйста.
- Ты что, лейтенант, плохо слышишь? Срочно дай трубку Бондаренко! Ну!
- Нет, – я уже завелся, черт его знает, кто это звонит, у нас часто разыгрывали таким образом: позвонят, представ-

ляются то начпо, то комбригом и передают приказание – то прибыть на десятый причал, то срочно доложить оперативному о чем-нибудь и тому подобное, а потом оказывается, что просто кто-то из знакомых баловался. – Вы не правы, я представился, а вы мне хамите. За что? Кто вы такой?

В ответ на меня из трубки хлынул такой поток ругани, что не будь я военным, уши мои свернулись бы в трубочку. Я послушал немного и говорю в трубку:

– Пошел ты знаешь куда. На... – и бросил трубку.

– Какой-то козел тебя разыскивал, – говорю Кешику, – да я его послал куда следует.

– Ну и правильно, – отозвался Кешик.

Но тут снова раздался телефонный звонок. На лице Кешика ничего не дрогнуло, он потянулся за трубкой. Я хотел его опередить, но Бондаренко жестом остановил меня, взял трубку и стал слушать.

Потом говорит в микрофон:

– Бондаренко.

Далее мне стало слышно, как в трубку что-то очень громко и сердито кричали. Кешик выслушал и положил трубку на место.

– Ты зачем на три буквы послал оперативного?

– А это был оперативный?

– Да.

– Он не представился.

– Иди к начштаба на ковер.

– Я ж не виноват!

Кешик молча поднялся и вышел из кабинета.

Я поплелся в штаб. У ворот меня уже ждали, дежурный в звании мичмана проводил к двери, на которой значилась фамилия начальника штаба. Я постучал и вошел в кабинет.

Начштаба и оперативный уже были наготове.

– Так, – начал начштаба, – расскажите, товарищ лейтенант, что произошло?

– А что?

– А вы не прикидывайтесь овечкой! Знаем мы таких.

Я понял, что ему уже все известно.

– Мне позвонили, – начал я, – я представился, в ответ нецензурная брань. Вот и все.

– Все?

– Все.

– А что вы ответили оперативному дежурному?

– Я не знаю, кому я отвечал, но ответил теми же словами, которые говорили мне.

Начштаба посмотрел на оперативного, этого ублюдка с минимум двадцатью килограммами лишнего веса. Опустил голову, потом поднял глаза на меня и говорит:

– Вы борзый, лейтенант, видели мы таких, так что от имени комбрига, которого я временно замещаю, объявляю вам трое суток ареста за нетактичное обращение к оперативному.

Потом небольшая пауза и новый вопрос:

– Вы пьяны?

– Нет, – отвечаю, а сам думаю: «Чтоб тебя, Кешик, подняло да об землю стукнуло за твои приставаания – налей-налей!» Не дай Бог, повезут в госпиталь проверять наличие алкоголя. Нет, отговориться можно, мол, у меня печень большая, кетонемия и тому подобное, но это можно оболванить этих строевых мерингов, а своих врачей-коллег ни за что. Позор, если повезут на проверку врача!

– Ладно, остановимся на этом, – пробормотал начштаба. – Неудобно врача вести в госпиталь для проверки на алкоголь. Можете идти.

Я вышел как из парилки, вся рубашка мокрая. Перед глазами стояла морда оперативного. Самое интересное, что очень скоро этот оперативный поступил в госпиталь с белой горячкой – в гостях перепил, вот его и шибануло по голове. Бедняга бросался на застекленную дверь, пока не порезал себе вены. С тем и поступил. Ходил по госпиталю потом притихший, все ждал решения своей участи, а тогда, при начштаба – герой. Как же – лейтенант для него не человек. Но в покое меня в тот день просто так не оставили, тут же в коридоре я нарвался на начпо, который ухватил меня за руку и затащил в свой кабинет.

– Ну, рассказывай!

– Что рассказывать?

– Как дело было, весь штаб гудит – не успел лейтенант начать службу, как уже влип!

– Может, товарищ капитан второго ранга, я по форме и не прав, но по существу прав, несомненно. Мне звонят, я представляюсь, а что в ответ? Просьба в грубой форме позвать человека, которого рядом со мной нет. А когда я начинаю выяснять, кто спрашивает, то слышу нецензурщину. Вот вы бы стали разговаривать по телефону с человеком, если б он не представился?

– Да, – после паузы согласился начпо, – ты прав, нет еще у наших офицеров культуры в общении, нет, но все равно ты не должен был опускаться, не должен.

Помолчал немного и спрашивает:

– Ты коммунист?

– Нет, – говорю, – комсомолец.

Ведь он уже спрашивал меня, вспомнил я, но начпо в это время вытянул губы трубочкой и произнес:

– А-а-а, идите!

Я ушел в часть.

Кешика нигде не оказалось. Чтоб он провалился – когда надо, его никогда нет. Я побродил по пирсу, потом перелез через брекватер и пошел по песку вдоль кромки совершенно спокойного моря. Вода была прозрачна как никогда, и волн не было, ноги мои утопали в мельчайшем песке, вокруг валялись мелкие и большие трупы деревьев, вынесенные рекой, среди песка лежали коровы и мирно жевали свою жвачку. Когда я устал и остановился, городка не было видно. Я сел на почти белое, отполированное волнами бревно, выбро-

шенное на берег, и стал поддевать ногой пустые полиэтиленовые посудыны из-под моющих средств.

Я вспомнил, как старожилы рассказывали, что после присвоения очередного воинского звания можно делать все, что душе угодно. А вот за полгода до присвоения следующего звания нужно «завязать», так сказать, осознать свою вину, в политотделе покаяться, пообещать всенародно, да так, чтобы поверили. А когда очередная звездочка прицепится к погону, опять можно все обещания забывать и ждать до того срока, когда исполнится ровно полгода до присвоения очередного звания. Говорят, что все так служат, в большей или меньшей степени.

Когда привезли на моем дежурстве этого оперативного с порезанными венами, я подумал, получит ли он свое очередное звание? Но, как оказалось, он был почти «испечен», то есть, дослуживал свой срок, и терять ему было нечего, все, что нужно от службы, уже выбрал. А когда так, то и делирий не страшен.

Я пошел назад в часть по мелкому песку. Впереди меня поднималась в воздух стая чаек, и, сделав круг над морем, садилась па песок. Я приближался, и птицы вновь взлетали, все точь-в-точь как в той новелле Роб-Грийе. Поэтика, но что меня ждало за бреkwатером? Уже трое суток получил, теперь служба пойдет кувырком, чтоб все провалилось. Не нужно служить годы, чтоб знать, как к изгоям относятся. В общем, я понял, что мне не повезло, а лично мне не везет напропа-

люю. Я внутренне приготовился ко всему самому плохому и полез через брекватер, в последний раз оглянулся на стаю чаек. Они как раз, потревоженные мной, заканчивали круг над морем и собирались приземляться на берегу. Кешика я нашел на барже, он пил чачу с дежурным.

– Трое суток объявили, – начал я.

Кешик только хмыкнул, а потом полупшепотом начал выдавать:

– Ты хорошо подготовлен, оттого и борзый, мы пьем и ты забульбениваешь. Всех это раздражает.

– И вас?

– М-м-м, я не про себя, еще неизвестно, кому лучше.

Тогда я не понял, что этим хотел сказать Кешик – кому лучше. Ему-то что, Кешик – профессионал, пусть спившийся, но профессионал, тут для меня лично двух мнений быть не может. Но болезнь уже создала Кешику свою комнату, в которой он обречен, жить и полном одиночестве, он выходит из нее, только когда трезв, но, сколько есть способов не выходить из этой комнаты. Я часто видел Кешика в духане, он сидел за столом в ожидании. Кешик эксплуатирует местное грузинское гостеприимство – если в духане сидит человек перед пустым стаканом, то, рано или поздно, ему поднесут или стакан водки, или бутылку вина. Кешик всегда дожидался. А если случалось, что не дожидался, то делал просто: подходил к стойке, за которой колдовал Резо, и говорил:

– Налей сто грамм!

Резо обычно наливал. А раз налито, то Кешик вновь в комнате одиночества, и никто ему не нужен. Кешику всегда хорошо, поэтому ему на все наплевать, но я-то не в Кешкиной комнате, я на воле... Действительно, можно позавидовать пьяницам – залил стакан водки в отстойник и лови кайф, никаких проблем!

– Зря переживаешь, – оборвал мои мысли Кешик, – у нас в бригаде нет офицерской камеры. Не посадят. А если начштаба рискнет, можешь объявить голодовку.

«О, голодовку! – подумал я. – А разве у нас кто-то объявляет голодовку? Ведь за голодовку так попадет!»

В общем, если посадят на нашей гауптвахте, то объявлять голодовку я не собирался. Ну и что, раз служба не пошла? Я-то на службе всего ничего, месяц-полтора, все может измениться, ведь что-то всегда меняется. А вдруг помрет этот начштаба? Интересно, если помер тот, кто наложил взыскание, что с самим взысканием? Я подумал и спросил об этом Кешика. Кешик посмотрел на меня так, будто у меня началась белая горячка, и ничего не ответил. Значит, взыскание остается, решил я и вышел из каюты.

– Ты куда? – закричал мне вслед Кешик, но я не ответил.

Пока бутылка не допита, Кешик не будет догонять. А Кешик вновь заорал на меня:

– Ты что, в лоб хочешь? – ну как в тот раз, из-за бутылки чачи.

Я еще подумал, что, может, Кешик не врал и действитель-

но боксер, и действительно его сам Попенченко нокаутировал? Но Кешик уцепился за вторую бутылку чачи и пошел дальше. А вся суть конфликта – я выбросил по ошибке за борт бутылку с чачей, хотя думал, что в бутылке просто тухлая вода. Тут появился Кешик, он припрятал бутылку в тамбуре на пожарном катере, а тут я нашел эту посуду.

В общем, я ушел с баржи, никого не хотелось видеть. Пошел домой, то есть к себе на квартиру. Благо, Важи дома не оказалось. Я тут же завалился спать.

Среди ночи меня разбудил стук. Я поначалу не понял, кто это стучит и где, но когда стук повторился, понял, что стучат в квартиру. Сразу подумал, что пришли за мной, чтобы отвезти на гауптвахту. Я поднялся, надел форму, собрал кое-что из предметов туалета и пошел к двери.

Открыл, но вместо ожидаемого наряда патруля увидел в хлам пьяного грузина.

– Гыдэ Важа?

– Нет его, – сказал я и попытался закрыть дверь. Но гость навалился плечом и втиснулся в прихожую.

– Гыдэ Важа, мой брат?

– Нет его, в селение уехал!

– Нэт, мой брат здесь!

И пошел бродить по комнатам, да еще пытался песни петь. Я не знал, что делать. Этот трехметровый грузин мог сделать со мной все, что хотел, я жался по углам и ждал, когда он утащится из квартиры. Но посетителю, видимо, понравилось,

он сел на Важину кровать и начал со мной разговаривать по-грузински. Я послушал его несколько минут, и говорю, как мне показалось, к месту:

– Ара! – что значит «нет».

Грузин поднимает на меня свои красные глаза и с ужасом смотрит, потом поднимается и начинает на меня надвигаться. Я понял, что он меня или прибьет, или изнасилует. Но грузин похлопал меня по плечу и сказал:

– Малчык! – потом вышел из квартиры.

Я закрыл дверь, лег на кровать и быстро заснул. У меня хорошие нервы.

Позже я рассказал Важе о посещении брата, на что хозяин ответил:

– Зачем впускал? Это пьяница, нехороший человек, не пускай!

Это было по возвращении Важи из селения, а тогда, наутро, я не пошел в часть, подумал, что если я нужен кому-нибудь для посадки на гауптвахту, разыщут. Надел форму и поехал в госпиталь.

Сколько пересудов в маленьком городке! Неужели во всех маленьких городках много сплетен? Это, наверное, оттого, что так жить интереснее – рассказы будоражат воображение.

В госпитале, во время обеденного перерыва, подсел ко мне замначальника по МТО. Потертый такой, старый, очередное звание он уже перехаживал лет пять или восемь. Но из госпиталя этот старлей никуда не собирался переводиться. И вообще я понял, что в Поти остаются служить те, кто приспособился к местным условиям. Прекрасно помню разговор со случайным попутчиком в такси. Пока мы проехали пару километров, он мне выдал такую теорию:

– Понимаешь, в России ночью привезешь себе, например, машину кирпича, утром уже приходит милиция. А тут хоть дом привези, даже среди бела дня, никому ни до чего дела нет.

– А если милиция случайно увидит, и подойдут товарищи разбираться? – вставил я тому своему попутчику.

– Ну, дашь менту пятьдесят рублей, и он уйдет.

Я тогда подумал, что Важа не врал насчет листов из нержавеющей стали, которые продавал налево. Ведь найти этот лист не составляет никакого труда, полгорода крыши, и стены своих домов ими обшили, так ведь не слышно, чтоб кого-то за покупку забрали в тюрьму. Значит, не врал.

– А хватит пятидесяти? – не унимался я, хотелось все узнать подробнее.

– Не хватит, он скажет, мент этот, сколько надо, у них на все своя такса: пьяный за рулем – 300 рэ! Или ежемесячный взнос 50 рэ – и катайся, каким хочешь. И так далее.

Я же не хотел, да и не мог пристраиваться к местным условиям, хватит с меня погоды да комаров, еще и плати за то, чтоб спокойно по улицам ходить! Действительно, торчишь в дыре, да еще и пристраиваешься. Хотя я прекрасно уже понял тогда, что от меня ничего не зависит в этой самой дурацкой дыре Черноморского флота.

Так вот, подсаживается ко мне замначальника госпиталя по МТО и начинает с места в карьер рассказывать историю, которую он от кого-то слышал. Суть в том, что рыболов «Шота Руставели» сделал только один рейсик.

– Почему? – удивился я.

– Э-э! Да ты ничего не знаешь! Здесь действует мафия!

И так произнес это слово «мафия», что мне показалось, он должен озираться по сторонам. Но озираться МТО-шник не стал, а приступил к изложению сведений. В первом рейсе, оказывается, так наштиговали судно контрабандой, что не выдержал такого хамства радист, коммунист из принципиальных. А может, этого радиста жадность или зависть обуряла. Может, доля не удовлетворила. Кто теперь догадается? В общем, радист дал радиogramму в Москву, что на борту контрабанда. Ну, конечно, из Москвы, как водится, приеха-

ли спецы, встретили радиста и повезли его обратно в Москву для допросов, но дальше Сухуми не довезли. В аэропорту, когда радист находился под охраной двух горилл, ему всадили нож в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.